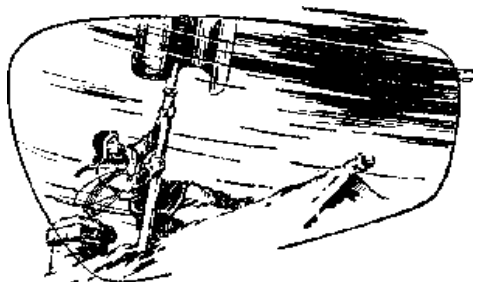

ПРОТИВ ВЕТРА

рассказ

Остров был открыт всем ветрам. Чуть приподнявшийся над ледяными полями, он был затерян среди моря, пустынный, плоский, выметенный метелями.

Солнце на многие месяцы исчезало за горизонтом. В редкие дни, когда не было туч, над островом светили звезды и полыхало сияние. Потом солнце возвращалось. Изо дня в день оно поднималось все выше и выше, освещая базальтовые скалы и снежные морщины на обрывах берега. Тогда просыпалось море и гнало льдины одна на другую, сталкивало их, ломало.

Но ветер дул не переставая. Он не стихал. Он лишь менял направление, уходил куда-то и возвращался, чтобы снова пронестись над островом, завывать по-волчьи в скалах, пролететь по гладкому прибрежному леднику, закружиться на его куполе.

В морозную звездную ночь человек шел против ветра.

Ветер рвал на нем полы полушубка, залеплял снегом глаза, старался потушить фонарик, наметал на пути сугробы.

Человек остановился.

Он заглянул в маленькую будочку. В светлом пятне фонарика виднелся метеорологический прибор. Закоченевшими пальцами человек записывал в тетрадь показания прибора. На ветер он не обращал внимания. Для него это была обычная погода, к которой он привык за пятнадцать лет, проведенных в Арктике.

Ветер иссушил его лицо, да и всю фигуру, жилистую и упругую, фигуру человека, привыкшего к лишениям и суровой жизни.

Вдоль натянутого каната Сходов — так звали этого человека — шел к дому. Он совершал этот путь к метеоплощадке и обратно через каждые четыре часа и днем и ночью, в любую погоду.

У Сходова, метеоролога и начальника полярной станции, не было сменщиков, как не было их и у его товарищей — метеоролога Юровского и механика Анисимова. Еще по пути на остров, на корабле, они отказались от сменщиков, так как на другом острове надо было заменить больных полярников.

Сходов подошел к станции. Ветер бил в спину. Он ворвался в сени, едва метеоролог открыл дверь.

В темном, холодном коридоре в свете фонарика заискрился снег на дверях и стенах.

Сходов вошел в освещенную коптилкой радиорубку со стенами, покрытыми инеем. Она казалась оклеенной лохматыми, изодранными обоями.

Сходов хмурился. Метеоролог Юровский лежал в спальном мешке.

— Как дела, Женя? — спросил Сходов.

В ответ Юровский закашлялся, сухо, с натугой.

Сходов подошел к юноше, положил ему на лоб руку. Определить, есть ли у него жар, он не мог. В комнате температура была намного ниже нуля.

Молчаливый, сосредоточенный, Сходов сел за рацию и связался с островом Диким. Он отстучал ключом очередные радиোগраммы, полученные от соседей, для которых он был посредником, передал метеосводку, а потом вызвал к микрофону врача.

Вошел механик Анисимов, кряжистый, широкоплечий, в заснеженной кухлянке. Он начал приплясывать, отряхивая снег.

— Здесь больной, — напомнил ему Сходов.

Анисимов скинул капюшон.

В руке он держал котелок с теплой похлебкой. Он умудрялся готовить ее в радиаторе бензинового движка, пока тот работал, заряжая аккумуляторы. Это был единственный источник тепла, каким располагали полярники.

— Женя, хочешь горяченького? — ласково спросил механик.

— Холодно, очень холодно... — прошептал больной.

К микрофону подошел врач. Сходов сообщил ему о состоянии Юровского. Врач расспрашивал о симптомах, температуре, пульсе. Потом потребовал, чтобы к груди больного приложили микрофон.

Сходов держал провод, Анисимов — микрофон. Хрипы в груди больного стали слышны за сотни километров.

У радиста начиналось воспаление легких.

Врач предупредил полярников, что заболевание серьезное.

— Главное, держите больного в тепле, — сказал он в заключение. — Бойтесь открытых форточек.

— Открытых форточек... — медленно повторил Сходов и сел около больного.

Дом давно уже не отапливался. У зимовщиков не было ни горсти топлива. Еще осенью его унесло в море...

Сходов вспомнил, каким восторженным и впечатлительным прибыл Женя Юровский на остров. Все его поражало и восхищало: и то, что корабль подошел к леднику, как к причалу, и то, что моряки поздней осенью через сплошной лед с таким риском пробились к острову и должны были теперь спешить обратно, не теряя ни минуты.

После ухода корабля поднялся штормовой ветер. Сходов торопился, не давая передышки ни себе, ни своим товарищам. Вскоре большая часть ящиков с оборудованием и продовольствием, выгруженных на ледник, была на скале.

На леднике, у самого его края, оставались лишь бочки с бензином и черная пирамида на снегу — запас угля на два года. Кто знает, пробьется ли корабль сюда в будущем году?

На берег успели выкатить только две бочки. И тогда случилось то, чего так боялся Сходов, — часть ледника отломилась, образовав айсберг. На нем остались драгоценный уголь и бензин...

Люди стояли на краю ледника. Ветер сталкивал их вниз, туда, где бушевало море, откуда взлетали брызги и пена, холодная, как снег.

Сходов помнил лицо Жени в тот момент. Оно было растерянным, почти испуганным. Его чуть расширенные глаза провожали айсберг,

который уплыл к двум другим ледяным горам, стоявшим вдалеке, как на рейде.

Темное в наступивших сумерках море угоняло ледяную глыбу все дальше и дальше, отнимая у людей последнюю надежду на возвращение топлива...

На горизонте показалась нежная и грустная заря, напоминавшая о том, что где-то в мире есть солнце.

— Как же будем жить? — наивно спросил Женя.

— О печке, брат, теперь забудь, — сказал Анисимов и улыбнулся. Потом сдвинул шапку на лоб и почесал затылок.

— «Седова» надо вернуть. Пошлите ему радиogramму, — взволнованно проговорил Женя.

Сходов сухо оборвал его:

— Мы не можем рисковать кораблем... Анисимов, — повернулся он к механику, — хватит на зиму двух бочек бензина, чтобы заряжать аккумуляторы для рации?

— Я и то прикидываю, Василь Васильевич. Должно хватить... если на голодной норме.

Женя, пряча от ветра лицо, пошел к дому. Дом был просторный, с большой комнатой, где стояли пианино и шкаф с книгами, из которых Женя отобрал все томики стихов. Под окнами укреплены батареи центрального отопления. Сюда когда-то поступала теплая вода из бака, вмазанного в кухонную плиту.

Когда в кухню вошли Сходов и Анисимов, Женя стоял около плиты. Он не мог примириться с мыслью, что целый год не увидит огня.

— Василий Васильевич, — сказал он. — Я сейчас слушал музыку из Москвы. Все не верится, что это так далеко... Может быть, попросить самолет? Он сбросит топливо.

— Слушай, Юровский, — холодно сказал Сходов, — советские полярники не раз оказывались в таком же положении, как мы. На острове Врангеля наши зимовщики пожелали остаться зимовать, хотя топлива там не было. Вспомните папанинцев, седовцев. У нас есть

спальные мешки. Мы, советские полярники, не станем вызывать целую эскадрилью самолетов, чтобы они доставили нам уголь...

Женя, опустив голову, слушал начальника. Он безгранично верил в могущество советской страны и не понимал, почему надо отказаться от посылки самолета.

Анисимов вполголоса объяснил Жене:

— Слушай, ты пойми... Я во время войны бортмехаником на самолете был. Я знаю, что значит летать в полярную ночь по необорудованной трассе. Это огромный риск, геройство. Самолет нужно направлять радиопеленгом. А у нас пеленгатора нет. Твоя «радюшка» для этого дела не годится.

Женя больше не говорил о самолетах. Он изо всех сил старался переносить лишения так же стойко, как это делали его товарищи. Сходов молча наблюдал за ним. Он видел, как юноша самоотверженно днем и ночью в положенный срок в любой мороз шел на метеоплощадку и, возвращаясь оттуда, безропотно мерз в холодной рубке.

И вот теперь Женя лежал перед Сходовым в промерзшей комнате и надрывно кашлял. Тепло могло спасти ему жизнь, а тепла не было! Сходов думал о том, как помочь товарищу.

Анисимов посмотрел на Сходова, на Женю, потоптался на месте, потом, как был в полушубке, вышел из дому.

Дверь из сеней едва открылась — на нее навалился ветер:

«Экая силища», — подумал Анисимов.

Колючий снег ударил в лицо. Пришлось встать к ветру спиной. И почему-то вспомнилось, как дует ветер от пропеллера, когда запускают мотор самолета.

Сколько миллионов, миллиардов пропеллеров должны были бы работать, чтобы создать этот несущийся с дикой силой поток воздуха? Или сколько пропеллеров закрутилось бы, если поставить их на пути ветра?

— Эге... — сказал сам себе Анисимов и пошел в машинное отделение.

Он долго смотрел на бочку с бензином, к чему-то примеряясь, прищуря глаз.

— Помрет ведь Женька-то... — сказал он и снова пошел в дом.

— Эх, ветрище на улице... — неопределенно начал он, вернувшись в радиорубку.

— Восемь баллов, — кратко ответил Сходов.

— Да... то пять, то восемь. Меньше не бывает. — Анисимов сел на табуретку. — Силища какая... А что, Василь Васильевич, если хоть крошечную часть этой силы в тепло превратить? — и, рассмеявшись, механик пнул носком валенка батарею отопления.

— Оставьте праздные разговоры. Ветряные двигатели делают на хорошо оборудованных заводах, — сказал Сходов и поправил на больном кухлянку.

Анисимов заерзал на табурете.

— Во время войны мне довелось на парашюте с подбитого самолета спрыгнуть. Я тогда ногу сломал, меня партизаны подобрали. Я у них потом сапером был.

— Ну и что же?

— Научили меня насчет... подручного материала. Я и думаю, из бензиновой бочки можно сделать ветряк.

Сходов раздраженно встал, подошел к столу и достал свою метеорологическую ведомость.

— Понимаете, Василь Васильевич, — не унимался Анисимов, — мы возьмем железную бочку и разрежем ее вдоль. Потом из двух полубочек сделаем этакую карусель, прикрепим их краями к вертикальной оси. Вот так. — Анисимов подошел к окну и нарисовал на замерзшем стекле латинскую букву «S». — Ветер дует сбоку. Одна полубочка повернута к нему вогнутостью, а другая горбом. Понимаете?

— Понимаю.

— В вогнутой — ветер встречает сопротивление, давит на нее и поворачивает всю карусель. Тем временем другая полубочка подставит

ветру свою вогнутость. И пошла писать губерния! Завертится вертушка, откуда бы ветер ни дул.

— Это фантазия, — сказал Сходов. — Нельзя портить бочки, они у нас с бензином. Нам все равно нечем превратить энергию вращения в тепло. Для этого нужны электрические машины и печи. Нашу динамо-машинку для такой нагрузки я не дам. Она для зарядки аккумуляторов.

Сказав это, Сходов принялся переписывать в ведомость цифры из тетради. Озябшие пальцы плохо слушались.

Анисимов, кряхтя, забирался в спальный мешок. Сходов не ложился. За окном стонала буря. Ветер словно издевался над старым полярником, кричал ему, что вот угнал он уголь, теперь отнимет одного из товарищей.

Сходов мучительно думал: как же не уберег он Юровского? В чем он неправ? Разве не должен он был приучать молодежь к суровой жизни, разве не должен был взять тяжесть положения на себя и товарищей, а не перекладывать ее на плечи летчиков? Лететь сюда в позднее время было очень опасно, а теперь, при полном отсутствии видимости, почти невозможно.

Женя умирает в холоде, а он, Сходов, ничего не может сделать для него. Вот Анисимов, тот что-то предлагает, думает, изобретает. Славный он парень, веселый, с русской смекалкой...

Русская смекалка! Русские всегда удивляли иностранцев простотой технических решений. Кулибин арочный мост строил без всяких подпорок. Гигантский колокол, превращенный в огромное колесо, был доставлен за сотни километров.

Простой русский мужичок поразил заморских инженеров, поставив колоссальную колонну перед Зимним дворцом. Он построил спиральный помост и закатил по нему верхушку «александрийского столпа».

Вот и теперь Анисимов предлагает... простое решение. Подумать над этим надо. Ведь существуют же роторные ветряные двигатели!

С койки донесся сухой, рвущийся из груди кашель.

Жизнь Жени зависит от тепла... Но как перевести силу вращения в тепло? Электрическую машину использовать нельзя. Нельзя рисковать оборудованием, оно ведь обеспечивает работу рации!

Неожиданно подошел механик и сел на койку начальника.

— Почему не спите? Потом будете клевать носом на вахте, — сказал Сходов.

— Василь Васильевич, понимаете... все думаю, как без электрических машин обойтись.

Сходов сел, потянулся к столу и зажег коптилку.

Осветились белые мохнатые стены комнаты.

— Что же можно сделать? — спросил Сходов не то механика, не то самого себя.

Анисимов заговорил горячо, убежденно.

— Василь Васильевич! Вот поезд... когда его тормозят... Вся его энергия переходит в тепло. Тормозные колодки трутся о колеса и греются!

— Ну и что же? — недоверчиво спросил Сходов.

— Вот подождите!

Анисимов взял электрический фонарик и побежал в сарай. Долго откапывал заваленную снегом дверь, наконец открыл ее и принялся рыться в старых частях машин.

Вернулся он радостный.

— Там есть чугунный шкив, — объявил он Сходову, — а тормозные колодки сделаем из камня и будем их прижимать вот этими винтами. — Он показал найденные детали.

Женя метался по койке и дрожал от озноба.

— Подожди, Женька... будет тепло! — обернулся к нему Анисимов. — Мы вот как сделаем, Василь Васильевич. Через крышу пропустим вертикальную стальную трубу. Она будет вроде оси. Вверху закрепим ее в подшипник, а для подшипника деревянную треногу сделаем. К трубе приклепаем две полубочки — вот и готова карусель. А внизу наденем на ось чугунный шкив и будем его тормозить.

— Как же мы используем тепло трения? Шкив перегреется.

— А мы его спустим в воду, прямо в бак центрального отопления. Все тепло трения перейдет в воду, как в обычном калорифере. Вода в баке нагреется, и мы, Василь Васильевич, пустим центральное отопление!

— Уж очень это необычно. Плохо я в это верю, но помогать вам буду, — сказал Сходов.

И началась лихорадочная работа. Сходов и Анисимов вовсе перестали спать. От успеха задуманного зависела жизнь Жени. Но нельзя было работать только над «ветряным отоплением». Нужно было по-прежнему наблюдать за погодой, передавать сводки, принимать радиogramмы, готовить обед и ухаживать за больным.

Пурга сменилась невиданными морозами. В сводках Сходов сообщал: «Минус пятьдесят градусов».

Анисимов работал около сарая. Он прыгал то на одной, то на другой ноге, хлопал руками по бедрам, стараясь согреться. При этом он напевал и поглядывал на небо. Над его головой горела Полярная звезда.

«Если земной шар вообразить роторным ветродвигателем, — подумал Анисимов, — то конец оси как раз упирался бы в Полярную звезду».

Анисимов засмеялся своей мысли и снова принялся за бочку. Он разрубил ее пополам. Бензин перелил в ледяную кадushку, которую сделал Василий Васильевич.

Работал Анисимов ловко, с привычной сноровкой, без промаха бил молотком по зубилу. Последний удар был прямо-таки ухарским. На снегу лежали две полубочки.

Анисимов вздохнул, выпрямился, посмотрел на небосвод, на Полярную звезду, в которую «упирается» земная «ось», и... изумился.

Вокруг стало светло, как перед восходом солнца. Из-за горизонта поднимались лучи... прожекторов. В первое мгновение Анисимову показалось, что к острову идет сказочный ледакол. Но лучи поднимались из-за горизонта со всех сторон, куда ни посмотреть. Неяркие, серебристые, они тихо и трепетно двигались по небу, словно ощупывая бесконечность вселенной. Наконец лучи скрестились у самой Полярной

звезды. Они составили световой шатер, живой, движущийся и величественный. Анисимов никогда не видел прежде подобного северного сияния. Но где он видел такую же картину? Где?

Вдруг Анисимов радостно рассмеялся. Он вспомнил. Бросив инструменты, он побежал в дом.

— Василь Васильевич! Женя! — кричал он еще из коридора. — В небе «салют Победы!» Арктика капитулирует! Безоговорочно!

На следующий день механик полез на крышу, чтобы установить там ротор. Ветер обрушился на маленькую человеческую фигурку, слясь сбросить ее наземь. Анисимов возился около стальной трубы, которую вместе со Сходовым просунул наружу из кухни, и бормотал:

— Дуй, дуй крепче! Злись! Силища бестолковая! Подожди, мы тебя запрежем! Будешь крутить нашу вертушку.

Неожиданно пришла смелая мысль. А что если заставить арктические ветры крутить огромные ветряки по всему побережью? Тогда электрический ток можно было бы послать на юг, на заводы, заменить им работу десятков тепловых станций, потребляющих уголь.

«Ох, здорово!» — обрадовался своей мысли Анисимов и, забыв осторожность, выпустил дымовую трубу, за которую все время держался. Ветер сразу ударил по нему. Анисимов судорожно ухватился за деревяшку, заклинивающую самодельный ротор. Клин выбило, и полубочки завертелись! Человек потерял опору и полетел вниз.

Лежа в сугробе, он с радостью слушал, как грохотал его ветродвигатель.

Выбежал из дома Сходов.

— Шкив завертелся, — сказал он.

Возбужденный, счастливый Анисимов вошел в дом. Он тотчас стал прилаживать к вращающемуся шкиву тормозные колодки. Они не походили на те колодки, которыми тормозят вагоны. Он просто прижимал к шкиву винтами два больших камня.

Однако с торможением ничего не получилось. Анисимов рассчитывал, что его камни приработаются и постепенно примут форму поверхности

шкива. Но для этого, вероятно, требовалось много времени. Пока же от каменных колодок было мало толку. Они или совсем останавливали шкив, или позволяли ему вращаться свободно.

Сходов с горечью смотрел на старания Анисимова. Им с новой силой овладела тревога. Больной был совсем плох. Сходов подолгу простаивал около его койки.

Идя на метеоплощадку, Василий Васильевич твердо решил, что не имеет больше права полагаться на сомнительное изобретение Анисимова и рисковать жизнью товарища. Придется все же попробовать вызвать самолет. Вернувшись в дом, Сходов прошел на кухню.

Около котла центрального отопления возился механик. Лицо Анисимова осунулось, покрылось пылью, щеки провалились, глаза походили на две темные ямы. Руки были изранены и обморожены, кожа на них потрескалась, из трещин сочилась кровь.

Сходов некоторое время молча смотрел на него, потом пошел в радиорубку. Женя лежал неподвижно, закрыв глаза, в груди его хрипело. Он был в беспамятстве. На столе, перед ключом, лежала горка снега, насыпавшегося с потолка. Сходов подержал руку на лбу больного и сел за ключ.

Анисимов уже несколько суток не спал. Сходов молча помогал ему в работе, но теперь он надеялся на другое. Однако из этого «другого» могло ничего не получиться. Не желая разочаровывать Анисимова, Василий Васильевич ничего не говорил ему.

И наконец то, чего ждал Сходов, случилось.

Анисимов разогнул спину, выпрямился, посмотрел на начальника.

— Самолет? — вне себя от изумления спросил он.

— Да, — ответил Сходов. — Надо спасти Женю.

— Как же он прилетел без пеленга?

— Может быть, с материка приборы укажут летчику точку, где надо сбросить груз, — сказал Сходов.

Гул самолета стал отчетливее. Летчик делал круг над островом.

— Как же он нас увидит в пургу?

— Эх, ты, бортмеханик! — укоризненно сказал Сходов. — А радиолокация? На вашем самолете еще ее не было? Теперь другое время. Летчик на экране сейчас видит нашу железную вертушку.

— Верно! — и Анисимов, хлопнув себя ладонью по лбу, отбросил молоток.

Оба полярника выбежали на крыльцо. Они прислушивались к реву пропеллера.

Пурга усиливалась. Ветер гнал на домик тучи снега.

Звук пропеллера удалялся.

— Сбросил, — облегченно сказал Сходов. — Теперь надо найти мешки с углем, пока их не замело.

— Идем, идем скорее! — заторопился Анисимов.

— Нет, — остановил его Сходов. — Мы не имеем права уходить оба. Вы останетесь. Мешки буду искать я. Около каждого я воткну вежу. Один мешок притащу сюда.

Анисимов нехотя подчинился. Сходов ушел. Пурга выла за стенами домика.

Анисимов прошел на кухню. Скоро здесь загорится огонь. Механик со злостью посмотрел на вращающийся шкив. Ему захотелось остановить это бесполезное колесо.

С раздражением он стал заворачивать винты, прижимая к шкиву свои новые каменные колодки, уже не просто камни, а каменные скобы, с двух сторон плотно облежавшие шкив. Из-под обода посыпались искры, Анисимов подставил руку. Искры жгли. Это было тепло. Тепло, принесенное холодным ветром! Черт возьми! Ведь это же тепло, которое во что бы то ни стало надо использовать...

Сходов шел по снегу, вокруг бушевала пурга. Сразу же, метрах в трехстах от станции, ему удалось найти несколько сброшенных мешков. Он поставил возле них вехи. Но он допустил ошибку, решив сейчас же найти и остальные. Пурга усиливалась. Снег крутился, плясал в воздухе, валил с ног. Он обрушивался на Сходова сбоку, сверху, забивал глаза, перехватывал дыхание, сухой и нетающий, забивался под капюшон.

Сходов рассчитывал найти дом по грохоту вертушки, однако, решив возвращаться, он с тревогой обнаружил, что не слышит ее шума. Неужели вой пурги заглушает вертушку?

Ориентироваться по направлению ветра невозможно: ветер отовсюду. Сходов никогда не был трусом. Теперь угроза быть занесенным снегом здесь, около дома, вместе с мешком угля, испугала Василия Васильевича. Он в изнеможении опустился на снег, не веря сам себе. Неужели такая нелепая гибель?

Во всяком случае идти бесполезно. «Я могу еще дальше отойти от дома», — уже более спокойно рассуждал Сходов, стараясь взять себя в руки.

Сходов знал, как поступают ненцы во время пурги. Он сел в снег, зарылся в мех и весь сжался в комок. Во что бы то ни стало нужно было перебороть холод и самое страшное... сон. Сон, липкий, сладкий, подкрадывался исподволь, мутит сознание. Сходов кусал губы, отгоняя сон.

Чтобы не замерзнуть, Сходов напрягал мышцы. В юности он занимался «волевой гимнастикой» — усилием воли напрягал и расслаблял мышцы. И Сходов заставлял себя мысленно идти, бежать, взбираться на скалы. Ему становилось жарко, силы оставляли его, он изнемогал от усталости, но снова принимался за свой тяжелый и невидимый труд.

Сходов вспомнил об Анисимове. О чем бы он думал в таком тяжелом положении? Наверное, он думал бы о своем ветродвигателе или о грандиозном арктическом ветрокольце, которое посылало бы энергию на южные заводы...

Сходов стал прикидывать, на сколько могло бы хватить сброшенного угля? Получалось, что недели на две.

А как же дальше? Полагаться на Анисимова? Так ведь у него с камнями ничего не получается! Стой! А зачем камни? Зачем тормозить камнями, которые быстро изнасятся, когда можно тормозить самой водой? Заставить мешалку перемешивать воду. Вода будет затруднять ее

вращение, тормозить, и энергия, затраченная на преодоление этого сопротивления, перейдет в тепло. Вода нагреется!

Эх, только бы выбраться теперь! И уголь есть, и вертушка заработает.

Пурга выла, ревела. Отовсюду неся треск, похожий на выстрелы. В море подвижка льдов. Ураганный ветер гнал ледяные поля одно на другое. Если Анисимов и стрелял из ружья. Сходов бы не услышал выстрелов в общем хаосе звуков.

Но что это за грохот, назойливый, несмолкаемый грохот?

Сходов прислушался. Вскочил.

Снег посыпался с него. Как он мог так долго ничего не понимать? Ведь это вертелась вертушка! Значит, пурга не заглушила ее! Она слышна!

Еле волоча ноги, Сходов побрел по направлению к тому месту, откуда слышался грохот. Он попытался тащить за собой мешок, но силы оставили его.

Теперь он знал, где стоит дом. Над домом снова завертелась вертушка.

Согнувшись Сходов брел вперед. Вдруг он отчетливо услышал выстрел. Значит, Анисимов все-таки стреляет! Вот и крыльцо...

Анисимов увидел почти ползущего к дому начальника, вернее мутную тень, на мгновение мелькнувшую в снежном вихре.

Механик втащил Сходова в дом, в коридор, потом прямо на кухню. Здесь в одной рубашке на спальном мешке, разбросавшись, лежал Женя.

— Раздевайтесь, Василь Васильевич! — торопил Анисимов. — Сейчас согреетесь.

Сходов тяжело опустился на скамью, удивленно глядя на плачущие, в потеках, стены.

— Тепло? — как бы не веря себе, выговорил он, потом спросил строго: — За углем ходили? Кто вам разрешил покидать станцию в пургу?

— Да никуда я не ходил! — с восторгом перебил его Анисимов. — Работает наша карусель... И тормоз работает! Наладил я его! Все дело в обхвате. Надо было, чтобы колодка на большой поверхности к шкиву прижималась. Вот смотрите...

Только теперь Сходов рассмотрел, что уходившая через потолок стальная труба крутилась. Анисимов сунул руку в котел центрального отопления и быстро выдернул ее.

— Кипяток, прямо кипяток! — радостно крикнул он.

— А мешки там... — проговорил Сходов. — Вехи я поставил.

— Это наш резерв, Василь Васильевич! Все-таки ветер не всегда будет!

— Верно, — согласился Сходов. — Он встал, подошел к больному, склонился над ним. — Ну, как, Женюшка? Хорошо в тепле?

— Хорошо, Василий Васильевич! — тихо проговорил метеоролог и улыбнулся.

Сходов подошел к Анисимову, крепко обнял и неожиданно поцеловал.

— Самолетов больше вызывать не будем, — твердо сказал он. — Камни изнаются. Вместо диска мешалку поставим. Понял?

Яростный ветер носился по острову, наметая сугробы. Он снова гнал одно на другое ледяные поля, рвал в небе черные тучи и с ревом набрасывался на одинокий дом.

И опять от дома к метеоплощадке шел человек. Ветер хватал его за полы полушубка, вставал перед ним снежной стеной. Но тот же ветер с дикой силой крутил на крыше дома диковинную вертушку, которая громыхала, как танк.

Человек с электрическим фонариком и тетрадкой в руках шел против ветра...

Когда я кончил рассказ, было уже поздно. Пора было расходиться спать.

По своему обыкновению я прошелся по кораблю. Мы стояли на рейде, подниматься на капитанский мостик было не за чем.

Острова в ночной темноте уже видно не было. Только в одном из окошек далекого домика светился огонек. Он походил на самую низкую звезду из всех, что зажглись сейчас в небе.

Старший помощник готовил подъем катера.

Я отменил подъем.

Старпом очень удивился. С выгрузкой было покончено. Зимовщики с острова уже перебрались на корабль.

Я ничего не стал объяснять старпому.

— Подождите до утра, — сказал я ему и пошел спать.

Она, Маша, конечно, ждала меня около моей каюты.

— Ну, как, Маша, — спросил я ее, — по ветру пойдешь или против ветра?

Так закончил Борис Ефимович свой рассказ.